

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В ТРУДАХ И.Я. ЛЕРХЕ И Э.Д. КЛАРКА¹

Е.А. Лисицына

Аннотация. В статье проанализировано участие медико-биологической аргументации в описаниях городской жизни Российской империи XVIII – начала XIX вв. на материале травелогов прусского врача И.Я. Лерхе и британского естествоиспытателя Э.Д. Кларка. Выбор такой оптики прочтения литературы путешествий обусловлен вниманием к последствиям процессов медиализации в европейских странах эпохи Просвещения. На примерах описаний городского пространства, выполненных учеными-натуралистами, автор показывает, как медицинские и биологические представления наряду с политическими и социальными концепциями стали одним из способов репрезентации имперского развития и определения возможностей для территориальных и культурных трансформаций страны. Так, Лерхе, осуществляя обязанности врача на российской службе, проводил исследования природных особенностей посещаемых территорий, что позволило ему обратить внимание на близость малоизвестной окружающей среды городов Прикаспия с ландшафтами Востока, а также сделать вывод о возможности преодоления локальных болезней и адаптации здесь приезжего населения. Хорошо образованный Кларк, путешествовавший в качестве гувернера, использовал наблюдения о природных и санитарно-гигиенических условиях жизни москвичей для констатации неизменно «варварского» и «рабского» состояния русских, а также присущего им «таланта подражания».

Ключевые слова: травелог, образ «другого», образ России, медицинские представления, И.Я. Лерхе, Э.Д. Кларк.

Лисицына Елена Александровна, бакалавр истории, студент магистерской программы «Историческое знание» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, el.lisitsyna@gmail.com.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования (проект № 15-05-0042) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

MEDICO-BIOLOGICAL REASONS BEHIND THE PERCEPTION OF THE RUSSIAN TOWNS CONDITIONS IN THE WORKS BY J.J. LERCHE AND E.D. CLARKE

E.A. Lisitsyna

Abstract. This article presents an attempt to analyze some of medico-biological arguments in the descriptions of the urban life in the 18th- and the early 19th-century Russian Empire based on the travelogues of Prussian physician J.J. Lerche and British naturalist E.D. Clarke. The choice of such perusal optics of the travel literature is led by attention to the consequences of medicalization processes, which took place in European countries of the Enlightenment. Being based on the examples of urban space descriptions made by naturalists, the author reveals how medical and biological ideas together with political and social conceptions formed a way of imperial development representation and identification of opportunities for territorial and cultural transformations of the country. Thus, as a physician in Russian service, Lerche explored the natural characteristics of territories visited that allowed him to pay attention to closeness of little-known environment of Caspian towns to the Eastern landscapes as well as to conclude the potential to overcome local diseases and to acclimatize here for newcomers. Well-educated Clarke travelling as a tutor used the observations over the natural, sanitary and hygienic conditions of Moscovites' life to establish the invariability of "barbarian" and "slave" conditions of Russians as well as their inherent "talent of imitation".

Keywords: travelogue, the image of the Other, the image of Russia, medical ideas, J.J. Lerche, E.D. Clarke.

Несмотря на достижения, сделанные медициной и естественными науками в период раннего Нового времени, санитарно-гигиеническое состояние городов оставалось одной из насущных проблем европейских государств XVIII–XIX вв. При несоблюдении надлежащих норм охраны здоровья густонаселенное и плотно застроенное городское пространство представляло собой благоприятную почву для возникновения и распространения болезней, что не способствовало и реализации политэкономических проектов развития государства. Это делало санитарное состояние различного масштаба политических, торговых, промышленных и культурных центров предметом особой обеспокоенности деятелей эпохи Просвещения.

Одним из очевидных способов преодоления проблемы было усиление степени участия государства в реализации санитарных мер и контроля над медицинской практикой [Сточик и др., 2013]. Хотя процесс медиализации повседневной жизни европейского общества в XVIII в. был весьма неоднороден (что уже многократно показывали критики М. Фуко [Фуко, 1998]), естественные науки, входившие в медицинское обучение, повсеместно приобрели особую социальную и культурную значимость. Призывы сохранять индивидуальное и общественное здоровье стали звучать не только во врачебных текстах, но и в публицистике². Их можно обнаружить в описаниях городов, составленных путешественниками XVIII–XIX вв., которые имели возможность внимательно рассматривать природный и социокультурный ландшафт во время более или менее продолжительных остановок. Содержащиеся в травелогах экологические и санитарные характеристики городского пространства позволяют анализировать особенности восприятия и механизмы дискурсивного конструирования *другого*.

Вопрос о значении медико-биологического аргумента в обосновании того или иного состояния сообщества неоднократно ставился последователями культурной истории. Анализ нарративных стратегий в текстах просвещенных и цивилизованных европейцев-колонизаторов побуждает многих авторов усматривать доминирование «имперского» видения мира не только во время путешествий, но и в ходе осуществления медицинских предприятий [Arnold, 1993; Дингес, 2004; Афанасьева, 2008, 2012; Вишленкова 2009]. А «научные» описания внутренних и внешних для Европы / Европейской России регионов являют собой свидетельство определения социокультурного состояния общества через окружающую его среду [Обертрайс, 2008; Pratt, 2008]. Универсализация народов имела последствием их иерархизацию: если оперировать терминологией З. Баумана, такое «объективное» представление мира в соответствии с идеями из области естественных наук и медицины является очередным проявлением амбивалентности эпохи модерна [Bauman, 1991].

² Как отмечает А. Лабиш, формирование идеи об ответственности за возникновение неэпидемических заболеваний являлось одним из последствий «онаучивания» медицины и гигиены в XVIII–XIX вв. [Labisch, 1992, p. 93].

Оценка Российской империи также не избежала влияния распространявшихся естественнонаучных концепций. Войдя в состав периферийного пространства «Восточной Европы», Россия XVIII в. стала универсальным чужим, необходимым для переопределения Европой собственных культурных границ [Вульф, 2003; Нойманн, 2004]. Этот процесс усложняло и присоединение к империи новых территорий, многие из которых оставались «белыми пятнами» и для русских, и для европейцев (при том что некоторые из этих областей ассоциировались прежде всего с экзотическим Востоком – к примеру, Крым и Кавказ). Однако именно в это время страна подвергается всестороннему научному описанию. Приток ученых-иностранцев способствовал появлению целого корпуса текстов, в которых Российская империя предстает *совокупностью народов*. Это существенно отличало ее от Московии, наполненной преимущественно русскими и татарами. Ученые труды отражают и важный процесс выработки языка, единых категорий для описания этих сообществ, критериев для их оценки, что дает возможность проанализировать возможные формы привлечения научных теорий и культурных стереотипов, к которым обращались авторы эпохи Просвещения для констатации состояния наблюдаемых ими этнических групп [Слезкин, 2005; Вишленкова, 2011а].

В качестве примера конструирования пространства России *европейцами и для европейского читателя* нами были выбраны тексты «Истории жизни и путешествий...» прусского врача И.Я. Лерхе (1708–1780) [Johann Jacob Lerche ... 1791] и «Путешествий по различным частям Европы...» британского естествоиспытателя Э.Д. Кларка (1769–1822) [Clarke, 1810–1823]. Хотя они различаются по обстоятельствам создания и рассматриваемым сюжетам, их объединяет ряд общих для их авторов интересов. Лерхе был врачом, который большую часть своей жизни провел на российской службе (1730–1780), осуществляя одновременно с этим геологические и ботанические изыскания. Кларк же, хотя к своему приезду в Россию в качестве гувернера, сопровождающего своего воспитанника в турне по странам Европы и Востока (1799–1803), представлял собой единственно хорошо образованного *джентльмена*, позднее прославился как обладатель первой в Великобритании ученой степени по минералогии.

Тексты Лерхе и Кларка независимо друг от друга уже становились объектами изучения М. Дингеса и Е.А. Вишленковой [Дингес, 2000; Вишленкова, 2011а, б]. Сделанные исследователями выводы о важном культурном значении характеристик медико-санитарных аспектов жизни русских, содержащихся в этих источниках, побудили нас обратиться к их сопоставлению с целью установить, какую роль в репрезентации и оценке российских реалий играл естественнонаучный/медицинский аргумент и какое влияние на восприятие России могли оказывать локальные особенности естественнонаучных/медицинских школ Пруссии и Великобритании³.

³ Под «школой» в данной работе подразумеваются особенности функционирования естественных наук как специфической сферы интеллектуальной и практической деятельности, включая организацию медицинской помощи населению.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО У ЛЕРХЕ И КЛАРКА

Особенности намерений, которые преследовали Лерхе и Кларк при совершении своих поездок и составлении текстов для публикации, определяют и набор проблем, которым авторы уделяют внимание при описании городских пространств. Прусский врач проводил «обследование» новых для себя регионов в качестве участника дипломатических и военных кампаний российских властей, и потому в его книге города представлены прежде всего как объекты интересов воюющих сторон. Однако сами эти сообщения о населенных пунктах содержат достаточно большое количество топографических, естественноисторических и этнографических сведений, среди которых – указания на наличие/отсутствие питьевой воды, ее качество и на высоту/низину расположения места; информация естественнонаучного характера о локальных геологических породах, флоре и фауне, а также о жизни туземного и приезжего населения, местных достопримечательностях и религиозно-мифологических преданиях. Интерес к столь разнообразным аспектам жизни города неслучаен. Как выпускник медицинского факультета университета Галле, защитивший диссертацию по геологии этого места [Dissertatio inauguralis ... 1730], Лерхе оставался натуралистом, осуществлявшим полевые исследования природных объектов. Подобного рода информация была и необходимым компонентом размышлений в русле традиции медицинской географии, сочетавшей совместное изучение природных и социокультурных особенностей жизни населения с целью разрешения вопросов этиологии и способов лечения болезней. В раннее Новое время она была существенно обновлена за счет привлечения статистических методов исследования. Регулярные наблюдения за явлениями природы привели врачей к выводу о существенном влиянии экологических факторов не только на развитие эндемических заболеваний, но и на распространение эпидемий [Riley, 1987].

Однако в соответствии с концепцией «медицинской полиции», развиваемой в XVII–XVIII вв. в рамках проектов по созданию государства всеобщего порядка (*well-ordered state*) [Raeff, 1975], значительная доля предприятий по борьбе с заболеваниями находилась под контролем властей. Примером осуществления данного проекта может служить институт городского физиката: городской врач, обязанности которого исполнял также и Лерхе (в 1750 г. – в Москве, с 1751 по 1780 г. – в Санкт-Петербурге), был ответственен не только за деятельность аптек и призрение малоимущих больных, но и общую санитарно-эпидемическую ситуацию в городе. Потому сообщения о функционировании сферы медицины, способах преодоления распространенных болезней могли содержать и оценку состояния развития населения и самого государства.

Учитывая особенности развития ученой медицинской культуры XVIII в. и деятельности немецкого врача в Российской империи, становится понятнее, почему в книге Лерхе имеются рассуждения о (не)здоровье городских пространств. Кларк не принадлежал врачебному цеху, однако высокий уровень образования позволял ему фиксировать сведения не только о местных достопримечательностях и «древностях». Город для такого рода путешественника являлся показателем культурного

развития страны, и потому природные и санитарные характеристики условий жизни горожан, основанные на представлениях из области медицины, также могли нести аксиологическую нагрузку и служили одним из механизмов формирования образа *другого*.

«ЗДОРОВЬЕ» ПРИКАСПИЙСКИХ ГОРОДОВ

Текст «Истории жизни и путешествий...» представляет собой компиляцию переработанных автором и издателем дневниковых записей Лерхе и содержит в себе описания поездок по России и по областям, которые на тот момент еще только находились в процессе присоединения к империи. Среди них: районы Каспийского, Черного и Азовского морей; бассейны Волги, Днестра и Дона; территории Молдавии и Валахии, Швеции и Финляндии. В книге, однако, опущены очерки за значительные временные промежутки, в которые Лерхе продолжал вести регулярные записи, что очевидным образом указывает на недостаточность представленной информации для проведения анализа особенностей его восприятия территории империи⁴.

Для рассмотрения медико-биологической аргументации представляется возможным ограничиться анализом описаний городов, лежащих на Каспийском море – Астрахани и Баку. Им посвящены наиболее объемные и информационно насыщенные пассажи. «Жаркий климат» этих мест делал их похожими на заморские колонии европейских государств: малоизвестный Кавказ был диковинкой для образованной публики и представлялся регионом, открывающим новые возможности в случае включения в состав империи. В то же время локальные природные особенности представляли собой опасности для здоровья переселенцев, свидетелем чему и стал прусский доктор, посетивший регион Прикаспия в 1733–1735 и в 1745–1747 гг.

Через отсылку к *биологическому* наполнению Астрахань, удаленная от центральной части России, позиционируется как «белое пятно» на мировой карте. Прусский врач отмечает, что обнаружил там большое количество неизвестных растений, которые он «прилежно собрал, описал и отправил в Медицинскую канцелярию, что ... продолжал делать из Персии» [Johann Jacob Lerche ... 1791, s. 18]. Действительно, в ходе исследования лежащей за Астраханью Прикаспийской низменности доктор идентифицировал уже известные и новые виды растений, высказал ряд геологических гипотез. Сведениями о своих находках Лерхе делился и с академическими институтами Европы: об *астраханских и персидских* растениях он информировал Карла Линнея [Johann Jacob Lerche ... 1791, s. 269, 471], а в «портфелях Миллера» сохранилось его описание трех царств природы Персии [СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 105х]. Это позволяет включить прусского врача в масштабный проект систематизации природы, который продвигал шведский натуралист. Так происходила

⁴ Данный вывод позволяет сделать изучение рукописей дневников Лерхе [ОР РНБ, ф. 431, д. 4–5].

своего рода универсализация мира, а многочисленные путешественники оказывались его «первооткрывателями» [Pratt, 2008, p. 24–26]⁵. Природное разнообразие и неизведанность прикаспийского региона только дополняли его «экзотический» колорит, создаваемый проживающими там народами – татарами, калмыками, армянами, грузинами и индийцами. Упоминания же о практиках курения табака у проживающих в Астрахани и на Кавказе персов и индийцев в какой-то степени уподобляли их американским туземцам, что и вовсе делало этот регион своего рода «Новым Светом» России [Johann Jacob Lerche ... 1791, s. 52].

Сообщение о Баку интересно собственно *медицинским* обоснованием привлекательности города. Хотя его местоположение обладало рядом отрицательных характеристик, из-за повседневного употребления горожанами нефти в качестве топлива, «ни в каком другом месте из тех, коими владели русские, не был воздух более здоровым», почему в нем никогда не вспыхивала чума⁶. Медицинские свойства этого вещества, наряду с выгодами географического положения и устройства города как стратегического и торгового пункта, сразу выделяли Баку из числа других прикаспийских городов. Это особенно прослеживается в рассуждениях Лерхе относительно возможных причин обнаруженной им «присущей городу» сыпной болезни. Хотя и не смертельная, но «тем более тягостная», она проявляется «особенно на теле и на руках, то есть на тех частях, которые особенно открыты для воздуха» преимущественно в жаркие дни лета и «не щадит ни молодого, ни старого». Потому в качестве двух ее основных причин Лерхе обозначает теплый воздух и насекомых, оказывающих прямое воздействие на тело. Затем, однако, врач корректирует свои утверждения: насекомые оказываются не такими значимыми возбудителями болезни, поскольку «старые жители», под которыми подразумеваются те, кто находился здесь в течение «нескольких лет», в большинстве своем были избавлены от этой сыпи. Нефть же рассматривается уже как «горючее вещество», которое может способствовать появлению сыпи, однако лишь пока человек не *привыкнет* к местным климату и воде, в которую тоже добавляют нефть. Как представляется, руководящим мотивом этих несколько противоречивых выводов доктора Лерхе является положительная оценка данного места, препятствием для жизни в котором является именно неадаптированность к локальным природным условиям и средствам врачевания. Неслучайно в повествовании выделяется особая группа – *приезжих*, наиболее уязвимых по отношению к болезням, почему и Лерхе «самому, как и всем новоприезжим, пришлось ее (*болезнь*. – *Е.Л.*) перенести» [Johann Jacob Lerche ... 1791, s. 45–46]. То, что он выделил «привыкание» как основу для безопасного проживания, говорит о физиологических характеристиках как *приобретенных*, то есть указывает на *возможность приспособления* людей из иных климатических поясов к местным особенностям окружающей среды – тем более что даже сам

⁵ Вклад Лерхе в этот проект говорит о себе и сегодня: его именем был обозначен вид полыни – *Artemisia lerchiana*, ареалом произрастания которого являются дважды посещенные им Прикаспийские степи.

⁶ Повествование ведется в прошедшем времени, так как после 1747 г. Баку и Дербент стали столицами независимых ханств.

воздух, являющийся причиной эпидемий, «может изменяться и улучшаться». А на тот момент именно Баку находился в числе пунктов стратегического интереса российской стороны, на что неоднократно обращает внимание и сам Лерхе.

Как представляется, предложенные примеры показывают, как корпус знаний, полученных на медицинском факультете прусского университета XVIII в., позволил немецкому врачу на российской службе указать не только возможности для расширения физических границ империи, но и пересмотреть ее координаты на карте цивилизаций. С одной стороны, Лерхе преподносит Астрахань как часть культурного и биологического ареала Персии, делая ее перекрестком между Западом и Востоком. В то же время констатация выгод от обладания городом Баку совпадает с *итоговыми* заключениями доктора о возможности приспособления в городе приезжего населения – несмотря на противоречие этих выводов приведенным изначально сведениям о всеобщей подверженности эндемической болезни. А такое утверждение могло быть весьма значимым для реализации российской политики на Кавказе, климат и болезни которого служили одним из основных препятствий для продвижения и закрепления в регионе даже военного контингента.

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОСКВЫ И РУССКИХ В ТЕКСТЕ Э. Д. КЛАРКА

В сравнении с текстом Лерхе, «Путешествия...» Кларка являются более целостным и законченным авторским проектом рассказа о путешествии и о *других* странах и народах (на его составление было потрачено около семи лет), ставшим известным не только европейскому, но и российскому читателю [Edgar, 2013; о критическом восприятии Кларка в России см.: Вишленкова, 2009, с. 79–80]. Уже сама структура опубликованного текста может говорить о том, как автор хотел презентовать увиденное: в то время как само образовательное турне воспитанника Кларка началось с Северной Европы и продолжилось Россией, Египтом и Грецией, напечатанное повествование начинается с описания именно «России, Тартарии и Турции». То есть Россию автор выделяет в качестве первого из увиденных объектов, более того – уже на уровне заголовка включает ее в один ряд с «восточными» странами. В отличие от «Истории...» Лерхе, в «Путешествии...» Кларка наиболее насыщено информацией описание древней столицы – Москвы (в Петербурге автор находился недолго и потому не оставил о нем столь объемного рассказа). Многие из увиденного в этом городе автор экстраполирует на остальное пространство империи, и потому, надо полагать, зафиксированные им характеристики и оценки касались не только москвичей, но и русских в целом – тем более что по Москве было легче соотнести Россию со средневековой *Московией*, которую посещали иностранные предшественники автора. Потому и описания обыденных практик москвичей – соблюдения чистоты, правил гигиены, диеты и самого образа жизни – можно рассматривать в качестве кода не только состояния городской санитарии, но и России в целом.

В целом автор признает, что жители Москвы обеспокоены санитарно-гигиеническим состоянием города, однако сами мероприятия по поддержанию необходимых норм не отличаются чистотой: «После Лондона и Константинополя, Москва, без сомнения – наиболее примечательный город в Европе. Иностранец, быстро проходящий по улицам, может назвать их скучными, грязными и неинтересными...» [Clarke, 1810, vol. 1, p. 73]. Кларк не устает отмечать, насколько трудно путешественнику найти *чистые* солому или комнату на постоялом дворе: даже помещение, предложенное ему в Москве, он называет «конурой», в которой «англичанин постыдится держать своих собак» [Clarke, 1810, vol. 1, p. 15, 44–45]. Своеобразной кульминацией неопрятности объектов публичного пользования является объемный пассаж о банях, одну из которых «отважился» посетить и сам автор. При этом он отметил их соответствие общим климатическим условиям России, отличающимся *суровостью и резкостью смены* температур: «Нет ничего более необычного в этой стране, чем смена сезонов. У населения Москвы нет весны: зима исчезает и появляется лето! Это действие не недели или дня, но одного мгновения. И этот образ действий превосходит понимание» [Clarke, 1810, vol. 1, p. 46].

Столь суровый климат создавал благоприятную среду для распространения болезней, особенно в сочетании с образом жизни «подлинного русского», фигура которого появляется в описании Москвы. Он «встает рано и завтракает глотком спиртного с черным хлебом. Его обед в полдень состоит из грубой и жирной пищи, цинготные эффекты которой, как предполагают, нейтрализуют соленые огурцы, квашеная капуста, его (*подлинного русского*. – Е.Л.) сок *клюквы* и его чудесный напиток *квас* (*курсив автора*. – Е.Л.). Он особенно дает себе волю поспать, что оставляет его беспечным о своем жалком [состоянии] рабства и своей варварской жизни; всегда ложится спать после еды и рано отправляется в кровать. *Везде существуют одни и те же принципы диеты* (*курсив наш*. – Е.Л.) – сало и бренди» [Clarke, 1810, vol. 1, p. 91–92]. Подобная разнузданность даже становится основанием для нивелирования социальных различий, обычно наблюдаемых Кларком: *безделье и лень* делают тираном как князя, так крестьянина, находящего в положении *барина*, обладающего определенной долей власти в собственном доме.

Еще одной составляющей медицинской аргументации можно считать такой признак, как темперамент. Заимствованный из античной традиции, он продолжал использоваться как один из компонентов описания *другого* с целью объяснения его социального поведения и уровня цивилизованности [Gissis, 2011, p. 72]. Географические особенности ареала проживания народа оказывались факторами, влияющими на его образ жизни и таким образом детерминирующими его «характер». Кларк тоже пишет о «характере» (*character*) и «свойствах» (*manners*) народа, о его «интеллектуальных» (*intellectual*) способностях и «национальных» (*national*) болезнях. Особенно примечателен сделанный им вывод о наличии у русских особого «таланта подражания» (*art of imitation / the talent of imitation / the love of mimicry*), который связывается с «подлинным гением» страны, «характерной чертой нации» и именуется не иначе как «моментом наивысшего развития русского

ума» и «принципом всех русских достижений». *Отсутствие* изобретательского гения становится характерной чертой народа и одновременно служит своеобразной апологией рабского состояния русского человека наряду с фактом деспотичного управления им, которое подавляет имеющиеся в народе способности к науке и искусству [Clarke, 1810, vol. 1, p. 22, 67–68].

Нужно заметить, что с такой *порочностью ума* народа оказываются связаны повседневные условия жизни москвичей и их образ жизни: грязь на улице, в жилых помещениях, на одежде и теле; плохая диета. Отсутствие же медикаментов, способных вызвать рвоту или утолить боль, делают невозможным *быстро* исправить болезненное, «неправильное» состояние тела [Clarke, 1810, vol. 1, p. 22, 88–89]. Здесь можно увидеть и проявление специфики становления английской медицинской школы. До реформ королевы Виктории в Англии не было систематической государственной поддержки и контроля над медицинской деятельностью, многие медицинские учреждения поддерживались частными инвестициями, и как врачи, так и пациенты имели возможности выбора способов и средств лечения [Porter, 1995]. Поэтому, надо полагать, нехватка врачей, а также высокая степень государственного контроля медицинской сферы не являлась для образованного англичанина фактором общественного прогресса. Это отличало его от Лерхе – для русского врача уже одни санитарные кордоны были залогом эффективной борьбы с эпидемиями.

Как представляется, наблюдения за практиками поддержания здоровья москвичей позволили британцу объяснить «рабские наклонности» и «варварство обычаев» русских девятнадцатого века и показать неизменность их состояния со времени образования Российского государства в девятом столетии [Clarke, 1810, vol. 1, p. 102–103]. Медико-биологическая аргументация позволила Кларку сделать вывод об отсутствии у народа не только надлежащих санитарно-гигиенических практик, но и необходимых интеллектуальных способностей, и, таким образом, убедительно показать сложность и даже *невозможность* культурного преобразования населения. И это при том, что в тексте всё же присутствуют описания практик заботы московских обывателей о санитарном состоянии города: ведь улицы *убираются*, а жители регулярно посещают бани. Потому в данном травелоге Россия всё же сохраняет свой образ не совсем варварского государства, на парадоксальность которого, выражающуюся в одновременном существовании в нем христианства и тиранической модели управления, указывали еще авторы раннего Нового времени [Нойманн, 2004].

Итак, для Лерхе и Кларка характеристика состояния городов Российской империи служила маркером для указания места России и ее частей не только на физической, но и культурной карте мира. Несмотря на различие целевой и жанровой направленности этих текстов, возможно зафиксировать в них ряд медико-биологических представлений, с помощью которых проводится «уточнение» специфики геополитического и социокультурного пространства России как «буферной зоны» между Европой и Азией, Западом и Востоком. Более того, подобные доводы могут использоваться в качестве обоснования «возможностей»

населения – на адаптацию на новых территориях, о которой говорит текст Лерхе, или же его культурную трансформацию, (не)возможность которой констатируется Кларком. Однако хотя в качестве факторов, способствующих возникновению болезней, оба автора фиксируют санитарно-гигиенические мероприятия городских властей / населения и «внешние», природные условия проживания, прусский врач ищет возможности их преодоления и подчеркивает *временный* характер массовых заболеваний. В то же время британский естествоиспытатель делает акцент на *устойчивости* климатических характеристик и *неизменности* повседневных практик русских, что указывает на *постоянность* зафиксированного физического, а следовательно, и морального состояния населения. На данных примерах представляется возможным проследить и взаимопроникновение характерных для этого периода дискурсов о *другом*. Один – цивилизационный язык травелогов, устанавливающий различия и иерархию народов/культур. Другой – научный, оперирующий категориями *видов* и *признаков* с целью описания мира социокультурных явлений по подобию природных. Гетерогенность имперского пространства России предоставляла возможность для построения подобного рода нарратива, в котором естественнонаучные идеи нередко переплетены с масштабными политическими и культурными проектами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева А. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–150.
- Афанасьева А.Э. Наука, литература и империя: африканские травелогии британцев 1850-х – 1870-х гг. // *Диалог со временем*. 2012. № 39. С. 106–123.
- Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011а. 384 с.
- Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // *История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2011б. Вып. 4. С. 37–66.
- Вишленкова Е.А. О народной неопрятности и национальном здоровье: культурные границы в описаниях России второй половины XVIII – начала XIX века // *Cogito*. Альманах истории идей. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. Вып. 4. С. 72–80.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
- Дингес М. Немецкие врачи в России второй половины XVIII в.: конфликт культур // *Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур: сборник статей*. М.: Наука, 2000. С. 160–189.
- Дингес М. Образ Москвы в эпоху Просвещения: от описательного стандарта к поиску русского своеобразия. «Медицинская топография» (1803) Энгельбрехта

Вихельхаузена // *Европейское Просвещение и цивилизация России: сборник статей*. М.: Наука, 2004. С. 93–113.

Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Обертрайс Ю. «Мертвые» и «культурные» земли: дискурсы ученых и имперская политика в Средней Азии, 1880-е – 1991 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 191–231.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 431. Д. 4–5.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

Ф. 21. Оп. 1. Д. 105х.

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.

Сточик А.М., Затравкин С.Н., Сточик А.А. Становление государственной медицины (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Сообщение 4. Государственные меры по обеспечению здоровых условий жизни, питания и трудовой деятельности // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2013. № 4. С. 41–46.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Arnold D. *Colonizing the body: state medicine and epidemic disease in nineteenth-century India*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1993. 354 p.

Bauman Z. *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press, 1991. 285 p.

Clarke E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa*. London, 1810–1823. 6 vols.

Dissertatio inauguralis physicomeditica sistens oryctographiam Halensem sive fossilium et mineralium in agro Halensi descriptionem. Halae Magdeburgicae, 1730.

Edgar K. Clarke, Edward Daniel (1769–1822): British mineralogist, antiquarian, and travel writer // *Literature of travel and exploration: an encyclopedia*. Vol. 1. London and N.Y.: Taylor and Francis, 2013. P. 256–257.

Gissis S.B. Visualizing “Race” in the eighteenth century // *Historical studies in the natural sciences*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 41–103.

Johann Jacob Lerche, Rußisch-kaiserlichen Collegienraths, und Doctors der Arzeneywissenschaft, Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben, und mit Anmerkungen und Zusätzen / hrsg. v. D. A.F. Büsching. Halle, 1791.

Labisch A. The social construction of health: from early Modern Times to the beginnings of the Industrialization // *The social construction of illness: illness and medical knowledge in past and present*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. P. 85–101.

Porter R. *Disease, medicine and society in England, 1550–1860*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 78 p.

Pratt M.L. *Imperial eyes: travel writing and transculturation*. London and N.Y: Taylor and Francis, 2008. 276 p.

Raeff M. The Well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth- and eighteenth-century Europe: an attempt at a comparative approach // *American historical review*. 1975. Vol. 80. No. 5. P. 1221–1243.

Riley J.C. *The eighteenth-century campaign to avoid disease*. Basingstoke and London: Macmillan, 1987. 213 p.

REFERENCES

- Afanas'eva A. 'Osvobodit'... ot shajtanov i sharlatanov': diskursy i praktiki rossijskoj mediciny v kazahskoj stepi v XIX veke ['To liberate... from shaitans and charlatans': discourses and practices of Russian medicine in the Kazakh Steppe in the nineteenth century], in: *Ab Imperio*. 2008. № 4. P. 113–150 (in Russian).
- Afanas'eva A. Je. Nauka, literatura i imperija: afrikanские travelogi britancev 1850-h – 1870-h gg. [Science, literature and empire: the African travelogues of the British 1850s – 1870s], in: *Dialog so vremenem*. 2012. No 39. P. 106–123 (in Russian).
- Vishlenkova E.A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili 'Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu'* [Visual ethnography in an empire, or 'Not everyone can discern a Russian']. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011a. 384 p. (in Russian).
- Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie objasnenija social'nyh problem Rossii (vtoraja tret' XIX veka) [Medico-biological renditions of the social problems in the Russian Empire (the second third of the nineteenth century)], in: *Istorija i istoricheskaja pamjat': mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2011b. Vyp. 4. P. 37–66 (in Russian).
- Vishlenkova E.A. O narodnoj neoprjatnosti i nacional'nom zdorov'e: kul'turnye granicy v opisaniyah Rossii vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX veka [On national slovenliness and national health: cultural borders in descriptions of Russia of the second half of eighteenth – early nineteenth century], in: *Cogito. Al'manah istorii idej*. Rostov-on-Don: NMC "Logos", 2009. Vyp. 4. P. 72–80 (in Russian).
- Wolff L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 548 p. (in Russian).
- Dinges M. Nemeckie vrachi v Rossii vtoroj poloviny XVIII v.: konflikt kul'tur [German physicians in Russia of the second half of eighteenth century: The conflict of cultures], in: *Russkie i nemcy v XVIII veke: vstrecha kul'tur: sbornik statej*. Moscow: Nauka, 2000. P. 160–189 (in Russian).
- Dinges M. *Obraz Moskvy v jepohu Prosveshhenija: ot opisatel'nogo standarta k poisku russkogo svoeobrazija. "Medicinskaja topografija" (1803) Jengel'brehta Vihel'hauzena* [The image of Moscow in the Age of Enlightenment: from descriptive standard to search for Russian peculiarity. "Medical topography" (1803) by Engelbrecht Wichelhausen], in: *Evropejskoe Prosveshhenie i civilizacija Rossii: sbornik statej*. Moscow: Nauka, 2004. P. 93–113 (in Russian).

Neumann I. *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Uses of the Other: The images of the East in European identity formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. 336 p. (in Russian).

Obertreis Ju. "Mertvye" i "kul'turnye" zemli: diskursy uchenyh i imperskaja politika v Srednej Azii, 1880-e – 1991 gg. [The "Dead" and "Cultured" lands: Scientists' discourses and imperial policy in Central Asia, 1880s to 1991], in: *Ab Imperio*. 2008. № 4. P. 191–231 (in Russian).

The Department of Manuscripts of Russian national library (OR RNB). F. 431. D. 4–5.

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). F. 21. Inv. 1. D. 105h.

Slezkin Yu. Estestvoispytateli i nacii: russkie uchenye XVIII veka i problema jetnicheskogo mnogoobrazija [Naturalists versus Nations: eighteenth-century Russian scholars confront ethnic diversity], in: *Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii: raboty poslednih let*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 120–154 (in Russian).

Stochik A.M., Zatravkin S.N., Stochik A.A. Stanovlenie gosudarstvennoj mediciny (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX veka). Soobshhenie 4. Gosudarstvennye mery po obespecheniju zdorovyh uslovij zhizni, pitaniya i trudovoj dejatel'nosti [The establishment of state medicine (from the second half of eighteenth to the first half of nineteenth century). Message 4. State measures on the supplying of the healthy conditions for life, nutrition and work], in: *Problemy social'noj gigieny, zdavoohranenija i istorii mediciny*. 2013. № 4. P. 41–46 (in Russian).

Foucault M. *Rozhdenie kliniki* [The birth of clinic]. Moscow: Smysl, 1998. 310 p. (in Russian).

Arnold D. *Colonizing the body: State medicine and epidemic disease in nineteenth-century India*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1993. 354 p.

Bauman Z. *Modernity and ambivalence*. Cambridge: Polity Press, 1991. 285 p.

Clarke E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa*. London, 1810–1823. 6 vols.

Dissertatio inauguralis physicomeditica sistens oryctographiam Halensem sive fossilum et mineralium in agro Halensi descriptionem. Halae Magdeburgicae, 1730 (in Latin).

Edgar K. Clarke, Edward Daniel (1769–1822): British mineralogist, antiquarian, and travel writer, in: *Literature of travel and exploration: an encyclopedia*. Vol. 1. London and N.Y.: Taylor and Francis, 2013. P. 256–257.

Gissis S.B. Visualizing "Race" in the eighteenth century, in: *Historical studies in the natural sciences*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 41–103.

Johann Jacob Lerche, Rußisch-kaiserlichen Collegienraths, und Doctors der Arzeneywissenschaft, Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben, und mit Anmerkungen und Zusätzen. Ed. by D. A.F. Büsching. Halle, 1791 (in German).

Labisch A. The social construction of health: from early modern times to the beginnings of the industrialization, in: *The social construction of illness: illness and medical knowledge in past and present*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. P. 85–101.

Porter R. *Disease, medicine and society in England, 1550–1860*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 78 p.

Pratt M.L. *Imperial eyes: Travel writing and transculturation*. London and N.Y: Taylor and Francis, 2008. 276 p.

Raeff M. The well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth- and eighteenth-century Europe: An attempt at a comparative approach, in: *American historical review*. 1975. Vol. 80. No. 5. P. 1221–1243.

Riley J.C. *The eighteenth-century campaign to avoid disease*. Basingstoke and London: Macmillan, 1987. 213 p.